

Шэнь Цинжань оперся на плечи Сюэ Фэйфэна, чтобы подняться, и одними губами произнес: «Холодно, давай сначала пойдем домой».

Сюэ Фэйфэн, пока вытаскивал его, и сам промок насквозь почти наполовину. И хотя сейчас его голос звучал обманчиво спокойно, интуиция подсказывала Шэнь Цинжаню, что Сюэ Фэйфэн готов сорваться и устроить безумие, а дом семьи Пань находился совсем рядом.

Он боялся, что Сюэ Фэйфэн из-за своей травмы потерпит тайный урон от рук Пань Юньшаня — от такого подлого и бесстыдного человека можно было ожидать любых грязных приемов. К тому же Сюэ Фэйфэн вышел без меча, да еще и с такой огромной обузой в придачу, как он сам. Каким бы искусным ни было твое боевое мастерство, ты всё равно остаешься калекой, которому тяжело передвигаться.

Где еще во всем мире найдешь второго человека, который будет так же хорош к нему и так же хорошо его понимать? Даже главная героиня должна была подвинуться на второй план.

Именно поэтому во всем, что касалось Сюэ Фэйфэна, он исстари проявлял куда больше осторожности, чем к самому себе. Вероятно, в нем говорил внутренний голос: «Я и так живу у него на хлебником, и если принесу Сюэ Фэйфэну новые неприятности, то мне проще будет искупить вину смертью».

Что же до Пань Юньшаня, Шэнь Цинжань внутренне холодного усмехнулся: этот подлец еще горько пожалеет о том, что совершил сегодня.

Рыбный пруд находился всего в пяти метрах от дома семьи Пань, разве так уж трудно устроить какую-нибудь пакость?

Стиснув зубы, Шэнь Цинжань вытащил застрявшие в грязи костыли и протянул их Сюэ Фэйфэну. После этого он не забыл прижать к груди выкопанные корни лотоса, натужно выдавив улыбку: «Я откопал сокровище». Сварю тебе суп.

Это совершенно не вязалось с привычной ленью Шэнь Цинжаня. Сюэ Фэйфэн пристально посмотрел на него:

— Это он заставил тебя копать?

Сюэ Фэйфэн не стал уточнять, кто именно этот «он».

Неужели этот подонок заслуживает того, чтобы ты так пекся о нем, и, выкопав корни из грязи, продолжал эту неразрывную связь?

Шэнь Цинжань с изумлением уставился на Сюэ Фэйфэна: «Неужели мой образ ленивца настолько укоренился в его сердце?» Сюэ Фэйфэн каким-то образом умудрился догадаться, что сам он и понятия не имел о существовании лотосов в пруду.

Он ни за что не признается, что действительно последовал наводке этого мерзавца, иначе это испортит весь великолепный вкус лotosового супа.

Шэнь Цинжань покачал головой и толкнул Сюэ Фэйфэна локтем: «Пойдем скорее домой».

Сюэ Фэйфэн торчал на месте, точно деревянный столб. Шэнь Цинжаня обидели, но он наотрез отказывался говорить об этом, что заставляло генерала чувствовать укол поражения.

Люди говорят, что муж и жена должны быть едины душой, однако тайн между ним и Шэнь Цинжанем становилось всё больше, и на любой вопрос тот лишь безмолвно закрывал рот.

Муж и жена... В голове Сюэ Фэйфэна какая-то струна внезапно натянулась до предела. Неужели в своем подсознании он отвел Шэнь Цинжаню такое уникальное, единственное место?

Но ведь Шэнь Цинжань — вдова... Ли Фэна!

Она — супруга стражника его военного лагеря, и не имеет никакого отношения лично к нему, к Сюэ Фэйфэну.

Эта мысль уже очень давно не всплывала в его сознании, он избирательно позабыл о ней — и когда силой целовал его, чтобы унять жажду, и когда неведомо отчего ревновал. Однако теперь, стоило двум словам «муж и жена» размашистыми мазками предстать перед его мысленным взором, они обратились в плотную сеть, испещренную заклинаниями, которая вознамерилась лишить нечистую силу всех земных чувств и заставить безумных призраков явить свое истинное обличье.

Сюэ Фэйфэн в одно мгновение почувствовал себя последней скотиной — в нем зародилось желание забрать этого человека себе.

Он безумно пытался скрывать правду и дальше, чтобы Шэнь Цинжань считала его своим мужем, полагалась на него и тянулась к нему.

Для великого генерала, у которого законы строги, а приказы крепки как скала, во время военных походов за малейшее домогательство к женщине или силовой захват чужого имущества полагалась суровая казнь без прощения. А теперь преступником стал сам Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань положил подбородок ему на плечо, улещивая и поторапливая идти домой. Сюэ Фэйфэн вдруг, опираясь на костыли, сделал широкий шаг вперед:

— Идем домой.

Шэнь Цинжань покачнулся и засеменил следом, трусцой догоняя его.

...

Шэнь Цинжань не только отмыл добела самого себя, но и до блеска оттер все три корня лотоса, не оставив на них ни крупинцы грязи. Не будь Сюэ Фэйфэна снаружи, ему бы даже захотелось напевать от радости.

Дикорастущий лотос источал чистый, свежий аромат. Шэнь Цинжань не умел определять качество продукта, но само ощущение свалившегося с неба богатства приводило его в неописуемый восторг.

Пусть даже этим неожиданным богатством были всего лишь три корня лотоса.

Но для человека, чьи руки и ноги не привыкли к труду, а сам он всем сердцем не желал пахать землю, разве могло быть что-то радостнее, чем еда, упавшая прямо с небес?

Шэнь Цинжань напрочь позабыл о том, насколько ледяной была вода в пруду, и мысленно

пропел хвалу этому водоему сотню раз, после чего на секунду замер с чувством легкого сожаления.

Конечно, то, что пруд рождает лотосы — это прекрасно, но ради того, чтобы знатно насолить этому типу по фамилии Пань, уж не обессудьте, если он превратит этот пруд в резервуар с биохимическим оружием.

Шэнь Цинжань представил себе эту картину, и уголки его губ непроизвольно поползли вверх.

Вот только это могло задеть главную героиню.

Шэнь Цинжань здраво пораскинул мозгами: после полудня нужно будет пойти и прощупать почву с героиней. Если она станет горой за своего брата, то ему и вовсе не придется заискивающе лизать ей пятки в надежде на спасение. Это было бы слишком бесхребетно — с него довольно и того, что он теряет всякую гордость перед Сюэ Фэйфэном.

Сюэ Фэйфэн был просто слишком хорош: что бы ни случилось, он никогда не заставлял его разочаровываться.

...

Обед давно остыл. Сюэ Фэйфэн положил немного риса и по чуть-чуть от каждого блюда, собрав всё на одну тарелку, чтобы разогреть на водяной бане.

После возвращения из глухих гор кулинарные обязанности разделились поровну. Мастерство у обоих было примерно на одном уровне — одинаково невкусно, так что никто не мог придирааться друг к другу.

Шэнь Цинжань уплетал рис с жареным яйцом, а Сюэ Фэйфэн просто сидел напротив и смотрел, как он ест, имея перед собой совершенно пустой стол.

«Почему ты не ешь?» — Шэнь Цинжань спросил его, активно жестикулируя и одновременно выводя строчки.

После возвращения от пруда настроение Сюэ Фэйфэна оставалось крайне подавленным, брови его были крепко сдвинуты, словно он столкнулся с самой трудноразрешимой задачей в своей жизни.

В глазах Шэнь Цинжаня не существовало проблем, которые могли бы поставить Сюэ Фэйфэна в тупик, поэтому он невольно увлекся этой тревогой. Он подался головой вперед, с явным беспокойством заглядывая в глаза Сюэ Фэйфэну, пытаясь разглядеть хоть что-то.

Он подался так резко, что расстояние между ними сократилось буквально до ширины пальца. Глаза встретились с глазами, их легкое дыхание переплелось — они были настолько близко, что, казалось, в следующую секунду сольются в поцелуе.

Шэнь Цинжань внезапно затаил дыхание, уголки его глаз вспыхнули пунцовым цветом. Он, слегка прерывисто дыша, отпрянул обратно на свой стул и замер, не смея пошевелиться.

Края глаз покраснели, губы тоже заалели.

Что вообще происходит?

Уж не аллергия ли у него на слюну Сюэ Фэйфэна? Всякий раз, когда Сюэ Фэйфэн целовал его в

какое-то место, стоило во второй раз хотя бы немного приблизиться к нему, как кожа начинала пылать жаром, а сердце стыдливо заходило в панике.

Шэнь Цинжань, совершенно не замечая, что его собственные щеки уже покраснелись, точно спелый плод, быстро пришел к однозначному выводу.

Это точно аллергия.

Второй контакт с источником аллергена дал такую бурную реакцию!

Впредь нужно держаться от него подальше.

...

Сюэ Фэйфэн мысленно обвел взглядом контуры его глаз, изгиб бровей, губы и покрасневшие щеки, после чего с великим трудом отвел взор, ведя ожесточенную внутреннюю борьбу на грани того, чтобы сорваться и предаться безудержному порыву.

Заметив, что Шэнь Цинжань съела половину и отложила палочки, Сюэ Фэйфэн машинально потянулся за тарелкой:

— Наелась?

Увидев, что Сюэ Фэйфэн собирается унести посуду на кухню, чтобы помыть, Шэнь Цинжань поспешно перехватил её. Он специально съел только левую часть, совершенно не тронув правую.

Палочками он подцепил целое вареное яйцо и поднес его прямо к губам Сюэ Фэйфэна.

И нечего пытаться его одурачить — Сюэ Фэйфэн совершенно точно остался голодным.

В глазах Сюэ Фэйфэна промелькнула тень внутренней борьбы. Он отвернулся и с трудом выговорил:

— Шэнь Цинжань, тебе лучше не кормить меня прямо сейчас.

Великий генерал вполне мог от одного этого укуса потерпеть сокрушительное поражение по всей линии фронта.

Шэнь Цинжань без лишних церемоний прижал яйцо к губам Сюэ Фэйфэна и с сияющей улыбкой, точно ухаживая за капризным ребенком, приоткрыл рот: «А-а-м».

У него уже затекла рука держать угощение, когда Сюэ Фэйфэн наконец неохотно сделал укус. И хотя на лице генерала не отразилось никаких изменений, Шэнь Цинжаню почему-то показалось, что тот вонзил зубы с какой-то яростной, сокрушающей кости силой.

Неужели яйцо было настолько невкусным?

За дверью промелькнул силуэт в грубой синей рубахе. Зоркий Шэнь Цинжань тут же ухватил Сюэ Фэйфэна за рукав и потащил к выходу: «Быстрее, помоги мне окликнуть тетушку Чжан».

Сюэ Фэйфэна дернули так резко, что он чуть было не забыл прихватить костыли, чтобы разыграть хромого. Покорившись судьбе, он примерил на себя роль толмача:

— Тетушка Чжан, постойте.

Шэнь Цинжань принялся со свистом строчить на бумаге, а Сюэ Фэйфэн переводил:

— Цинжань говорит, что хочет купить у вас курицу.

— Для бульона? — тетушка Чжан проявила тактичность и не стала расспрашивать, вылупились ли уже цыплята из тех прошлых яиц. — Можно. Как раз у меня дома несколько кур знатно раздобрили, в самый раз под нож.

«Вам удобно будет принести одну вечером?»

Сюэ Фэйфэн потянулся за деньгами, но Шэнь Цинжань перехватил его руку. Серебро, вырученное за сахарный тростник, Сюэ Фэйфэн ни в какую не соглашался брать себе, настояв, чтобы оно оставалось у него. Шэнь Цинжань отсчитал из своего кармана нужное количество медных монет, передал их тетушке Чжан, а затем вынес из дома один отмытый корень лотоса.

Тетушка Чжан была рада монетам, но в то же время не на шутку встревожена такой расточительностью Шэнь Цинжаня.

Память у неё была получше, чем у этой парочки, поэтому она поспешила напомнить:

— Когда Сунь-второй уезжал, он ведь продал каменный жернов для отжима сахара в комплекте с полем сахарного тростника! Всё было прописано черным по белому. А теперь он продал дом семье Пань. Вам нужно как можно скорее пойти и забрать этот жернов, пока Пань не обосновались и не начали отпираться. Если вы сами люди робкие, позовите меня с собой, а еще Синцина и его жену. Нас будет много, мы их не побоимся.

Ли Синцин был старшим сыном тетушки Чжан — весьма дородным и крепким молодым человеком.

— Завтра же пойдем и заберем, — Сюэ Фэйфэн изначально не хотел связываться с этим, ведь транспортировка жернова лишь добавила бы хлопот Шэнь Цинжаню.

Но теперь он в корне переменил свое мнение: то, что по праву принадлежит им, лучше выбросить в тот самый рыбный пруд, нежели оставить Пань Юньшаню хоть малейшую крупицу.

В этот раз мысли Шэнь Цинжаня на редкость точно совпали с планами Сюэ Фэйфэна.

Видя, что супруги приняли её слова близко к сердцу и больше не проявляют беспечности, тетушка Чжан испытала легкое облегчение и решила поделиться свежими сплетнями:

— Вот-вот, именно завтра и нужно идти. Я только что шла мимо и слышала от тетушки Ван, что эти Пань уже вовсю готовятся сватать своего сынка. Вся семейка вот-вот отправится на смотрины к младшей дочери Ли Дадао. Вы только поглядите, разве это поведение ученого человека? Кто же ходит в дом на смотрины, когда помолвка еще даже не оговорена!

— Семейка Пань — люди хитрые. Чтобы пустить корни в деревне, они выбрали самый видный и уважаемый дом. Действуют шустро, и, опасаясь, как бы им не отказали, прихватили с собой и сынка. Видать, рожей парень вышел смазливой, вот и хотят охмурить девицу, что еще не вышла замуж, — с презрением выплюнула тетушка Чжан. — Лично я таких людей за версту не переносу, гнилые они. Как заберете жернов, поменьше водитесь с ними.

Шэнь Цинжань слушал это, разинув рот от изумления. Осведомленность тетушки Чжан в вопросах шпионажа просто поражала. Он с тревогой косился на неё, не шутку опасаясь, как бы у неё с языка не сорвалась и его собственная неприглядная история, которую она могла вывалить перед Сюэ Фэйфэном, точно мешок с фасолью.

Из старого — например, те жуткие дела прежнего владельца тела, что творились в отсутствие Сюэ Фэйфэна; из недавнего — то, как в полдень Пань Юньшань толкнул его в пруд...

У стен есть уши, а уж когда рядом бушует такой ураган сплетен, как тетушка Чжан, и подавно.

Перед тетушкой Чжан Шэнь Цинжань чувствовал себя немного виноватым: ему всё казалось, будто в её словах скрывается двойной смысл, адресованный лично ему.

Проводив тетушку Чжан, Шэнь Цинжань сделал пару кругов вокруг дома и с наигранным рвением вскинул на плечо мотыгу, сообщив Сюэ Фэйфэну, что отправляется полоть сорняки на поле сахарного тростника.

На самом же деле он намеревался втайне отыскать главную героиню. Сейчас вся семья Пань ушла, дома осталась одна героиня — момент был просто идеальный, упускать его нельзя.

Шэнь Цинжань и не подозревал, что работа в поле всегда была его самой топорной отговоркой, в которую не поверил бы и дурак.

Лицо Сюэ Фэйфэна помрачнело, точно перед бурей. Стоило Шэнь Цинжаню услышать о смотринах Пань Юньшаня, как она изменилась в лице, а теперь в такой спешке рвется за порог — неужели она до сих пор лелеет надежду помешать этому?

«Шэнь Цинжань, да есть ли у тебя вообще сердце? Неужели тебе не бывает больно?»

Мысли Сюэ Фэйфэна спутались в тяжелый клубок, но не успел он произнести и слова, как Шэнь Цинжань уже скрылся вдаль, демонстрируя невиданное прежде рвение к труду.

...

Шэнь Цинжань обошел дом семьи Пань, ведя наблюдение. Пань Юньшань занимал главную комнату, которая находилась ближе всего к рыбному пруду — если в воде появится что-то непотребное, сильнее всего это ударит именно по нему.

Что же касается главной героини... Из каморки для хлама донеслись едва различимые крики.

— Выпустите меня...

После того как брат уволок героиню домой, её сразу же заперли в чулане. Пань Юньшань побоялся, что она устроит переполох или проболтается о Шэнь Цинжане, поэтому солгал родителям, будто сестра на улице натворила бед и случайно толкнула человека в пруд. Отец и мать Пань приняли эти слова на веру без лишних расспросов.

Убедившись, что дома действительно нет никого, кроме героини, Шэнь Цинжань глубоко вдохнул.

Настал час признания земляков.

В такой момент обязательно нужно прибегнуть к великой силе языка!

Он спрятался за стогом сена — так, если поблизости всё же окажется кто-то посторонний, никто не догадается, откуда раздался голос.

Шэнь Цинжань прокашлялся и, повернувшись к камерке героини, четко и торжественно, точно диктор в документальном кино, произнес:

— У народа есть вера, у государства есть сила!

Произнеся это, он засомневался, в какой именно временной эпохе застряла героиня, и поспешно добавил:

— Социализм крепок, попаданцы ищут земляков!

<http://bllate.org/book/17933/1732082>